

сильно отошел, у него были свои поклонники. Был кружок Г.П. Щедровицкого, они регулярно собирались каждую неделю, говорили, обсуждали, записывали все это на пленку. У него дома до сих пор стоят километры пленки, которые постепенно расшифровываются. Можно называть и другие кружки или школы, которые в те годы были весьма активными. Они друг с другом не взаимодействовали, друг друга плохо понимали, не считали даже нужным интересоваться, что делается в кругу других философов. А Эрик Григорьевич отличался тем, что он умел находить общий язык и с одними, и с другими, и с третьими. Он вначале был очень тесно связан с Г.П. Щедровицким, потом немножко отошел, но, тем не менее, сохранил большие контакты, знал и понимал, что там делается. Во время работы в Философской энциклопедии он наладил связи со многими философами, заинтересовался метафизическими сюжетами, казалось бы, неинтересными для поклонников Г.П. Щедровицкого, для чистых системщиков, вопросами, что такое философия, философское знание. Он работал в курсе системного анализа, потом занимался технической эстетикой, он знал и был в прекрасных отношениях и с Э.В. Ильенковым, и с его поклонниками. Он умел не то чтобы интегрировать, интегрировать это может быть и нельзя, невозможно да и бессмысленно. Он умел найти интересное в каждом подходе, по-своему это понять, осмыслить и умел устанавливать связи между всеми этими разными людьми, которые были сильно разобщены и от этого многое теряли. Он был автором многих идей и многих начинаний. Я думаю, что без его энтузиазма какие-то начинания в нашей философии не осуществились бы. Это был человек, которого любили все, кто его знал. Других мнений просто не знаю. Он умер очень молодым. Я не помню, было ли ему пятьдесят лет, наверно, даже не было. Он был немного старше нас, и хотя не сильно отличался от нас по возрасту, мне и многим моим друзьям казался более мудрым человеком, задавал тон, формулировал новые программы исследований. Не просто чело-

век сам что-то делал, что наиболее часто бывает, он умел объединять людей, задавать программы для коллектива исследователей, был лидером наших новых начинаний того времени. Что-то, может, устарело, но многие идеи, которые тогда были высказаны, не только не устарели, сейчас мы лучше начинаем понимать их смысл.

Это был выдающийся философ, и надо о нем помнить, писать, говорить обсуждать его идеи, которые сейчас даже более актуальны, чем прежде, когда впервые о них узнали, а потом даже забыли немного, другие интересы появились в нашей философии в целом. Сейчас мы возвращаемся к фундаментальным философским проблемам, и когда мы это делаем, начинаем понимать то, что было сделано некоторыми нашими философами в этом направлении, в том числе Эриком Григорьевичем. Сейчас все это обретает новый смысл.

Мне как-то И.В. Мелик-Гайказян был задан вопрос по поводу инициированной мной дискуссии «Деятельностный подход: смерть или возрождение?»: «Вы считаете, что есть возрождение или перерождение деятельностного подхода?». Возрождение – это необязательно буквальное повторение того, что ожидалось. Какие-то новые проблемы появились, новые контексты, поэтому какие-то вещи должны обновляться, это естественно. Но это не перерождение, не превращение во что-то другое, я считаю, что это развитие ряда тех идей, которые уже тогда были сформулированы. В этом смысле возрождение есть второе рождение. Рождение в новой ситуации, в новых условиях, и поэтому развитие в новых условиях, потому что он не просто возрождается, он и развиваться как-то должен, поэтому какие-то новые идеи в связи с этим возникают и должны возникать. Но, тем не менее, эти новые идеи, которые возникают, по-моему, они могут опираться на то, что тогда было неплохо высказано. То, что было сделано Эриком Григорьевичем, это можно развивать и даже нужно развивать.

Поступила в редакцию 21.01.2008

УДК 82-94

В.А. Лефевр

СИСТЕМНОЕ ПОНИМАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК «НАРОДНАЯ ПЕСНЯ»

Калифорнийский университет, Ирвайн, США

Я познакомился с Эриком Григорьевичем Юдиным весной 1963 года на домашнем семинаре у Г.П. Щедровицкого. В то время кружок, который возглавлял Щедровицкий, работал у него дома. Это был такой уникальный домашний семинар, кото-

рый посещала более или менее постоянная группа людей. Вот однажды я пришел туда и увидел незнакомого, худого человека. Он был высокого роста и похож на блокадника. Я сам ленинградский блокадник, поэтому я сразу увидел в нем какие-то

следы истощения. У него были худые жилистые руки; он был хмур. Помню, как внезапно он улыбнулся, и облик его преобразился. Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более обаятельного, чем Эрик. Это было сокрушительное обаяние. Вспоминаю именно первую встречу с ним, потому что, наверное, первые впечатления для меня очень важны.

Эрик окончил юридический институт, а затем аспирантуру педагогического института. После аспирантуры он был направлен в Томск, где советовал своим студентам слушать «Голос Америки» для общего развития и проводил беседы о романе «Не хлебом единым» В. Дудинцева. Люди из партийного болота рассматривали его в качестве столичной штучки, которая не понимает, куда она попала. Они стали писать письма и жаловаться на него. И, в конце концов, на одном партсобрании он выступил с резкой критикой, и его посадили.

После освобождения Эрик работал на заводе то ли кладовщиком, то ли у станка или сначала у станка, а потом кладовщиком и искал настоящую работу. К счастью, он получил степень кандидата наук до ареста, и в связи с арестом и судом у него эту степень не отобрали. Так что он мог заниматься наукой. Один человек из ЦК, я забыл его фамилию, встретился с ним и способствовал тому, что он устроился на работу по специальности. В то время была тенденция, чтобы люди занимали должности в соответствии со своей официальной квалификацией. Он начал работать в одном месте, я не помню, в каком, а потом его взяли в Философскую энциклопедию, где он много лет был редактором. Эрик был очень продуктивным человеком, и вся по существу Философская энциклопедия, все ее первое издание создавалось под его влиянием. Он редактировал чужие статьи и писал к ним дополнительные куски.

В домашнем семинаре Щедровицкого мы как-то сразу выделили друг друга и стали по-настоящему крепко дружить. Для меня были важны даже не столько его идеи, сколько его особый тип философствования. Какова была в то время официальная философия? Существовала советская идеология. Был создан, в частности, академический Институт философии. Философы были распределены по вузовским кафедрам марксистско-ленинской философии, а занимались они тем, что приводили идеологию в соответствие с современным состоянием науки и общества. Один очень крупный ученый, известный в то время философ, сделал себе карьеру на том, что подверг ревизии части марксистско-советской философии, которые были связаны с генетикой. В то время генетика рассматривалась как лженаука. И хотя генетики уже работали совершенно свободно, а Лысенко был разоблачен,

но философские тексты, которые были в стране, включая учебники, содержали старые формулировки. И этот человек, ставший в результате академиком, подверг эту идеологическую фразеологию переработке. По существу, все достижения советской философии заключались в таких «редакторских находках». Другой философ обнаружил, что есть лакуна, не заполненная марксистской философией, и написал, кажется, в 1959 г., прекрасную статью о системном анализе и системном подходе.

Эрику все это было неинтересно. Я не хочу сказать, что он восставал против этого. Просто его это не интересовало. Он был очень свободолюбивым человеком и не хотел штопать идеологию, подгонять ее под изменившиеся условия. Это не соответствовало его характеру. Такая способность свободно мыслить и свободно философствовать оказала на меня влияние. Не какие-то конкретные идеи, а именно эта способность. Он был человеком очень разнообразным и неожиданным. В то время его жена Ирина была учительницей математики, и они жили в квартире для уборщицы при школе. Это было недалеко от университета; я несколько раз в неделю заглядывал к ним, и у нас были очень интересные и продолжительные обсуждения. Однажды я там застал каких-то незнакомых людей. Их было очень много. Эрик сказал мне со сверкающей улыбкой: «Володя, заходи. Это мои друзья-власовцы». Это освободились из лагеря власовцы, они списались и приехали к нему в Москву.

Я бы сказал, что в каком-то смысле лагерь его преобразил. Хотя я не знал его до лагеря, но, судя по мнению других людей, он стал гораздо более интересным. В лагере он пользовался всеобщим уважением, и даже блатные никогда не пытались его обидеть.

Думаю, что наиболее актуальным сегодня из всего им сделанного являются его результаты, связанные с системным анализом деятельности. Дело в том, что после Философской энциклопедии он работал почти до конца своей жизни в Институте истории естествознания и техники вместе с И.В. Блаубергом и В.Н. Садовским. Они занимались общей теорией систем и системными исследованиями. А Эрик применил эти идеи к представлению деятельности. Я думаю, что этот результат вошел в современное понимание деятельности как «народная песня». Не то, что он написал какую-то работу и она стала подобна народной песне, а то, что все теперь считают, что так было всегда, что все это всегда знали и говорили именно эти слова. Нет, Эрик был первый, кто применил системный подход к деятельности.

Хочу особо остановиться на отношениях между Эриком Юдиным и Юрой Щедровицким. Существует легенда, что их отношения закончились

разрывом. Я не думаю, что «разрыв» это правильное слово. Просто Эрику стало тесно в кружке с жестким кругом обсуждаемых вопросов. Как всегда, он хотел быть свободным. Он был органически неспособен думать под чьим бы то ни было руководством. Поэтому его уход из кружка был предопределен самими характерами Эрика и Юры. При этом они, безусловно, обогатили друг друга интеллектуально.

Обращаясь на сорок лет назад, мысленно вижу высокую фигуру Эрика, приближающегося быстрыми шагами, и ощущаю радость предстоящей встречи,

В 1974 г. я эмигрировал в Америку, переписывался только с Эриком Юдиным и с Юрой Щедровицким. Привожу далее два письма от Эрика. Думаю, что они важны, потому что отражают его настроение и мысли в последние месяцы его жизни.

1.2.75

Дорогой Володя!

Очень обрадовало меня твое письмо – и потому, что ты написал наконец, и потому, что самочувствие и настроение твое, судя по всему, уже близки к норме, и даже потому, что письмо у тебя получилось каким-то трогательным и ласковым.

Что тебе рассказать? Событий так много, и они такие разные, что и отобразить трудно. А с другой стороны – в принципе мало что меняется.

26 января умер Д.Ю. Панов, несколько дней назад его хоронили.

Мы выпустили очередной ежегодник, который ты, наверное, уже получил. Эта работа уже приобрела стабильный характер, хотя далеко не все мне в ней нравится.

Как всегда, очень много работаю и делать приходится самые разные вещи. С этого года начали такое полуэмпирическое исследование, за которое меня назначили ответственным, – хотим получить нечто вроде модели возникновения и развития научной дисциплины на примере молекулярной биологии. Сам я в последние месяцы много занимался проблемой деятельности – в развитие тех идей, которые ты когда-то слышал в моем докладе. Получаются очень любопытные вещи, но работы очень много. Не знаю пока, во что это выльется. В нынешнем году собираюсь написать (если, конечно, получится) небольшую книжку – листов 6 – для юношества о том, что такое философия и какими проблемами она занимается.

В общем, дел так много, что только успевай поворачиваться. Если бы еще организм не барахлил – то брюхо болит (хотя вот уже два года подряд лечу его в Эссентуках), то сердце стало пошаливать, и довольно регулярно. Но тут уж ничего не подела-

ешь: годы свою черную работу делают, а мне ведь на днях будет уже 45.

Дома все в относительном порядке, хотя Ирина тоже стала часто болеть. Сейчас вот лежит с миокардией – осложнение после гриппа.

А в целом – ничего, жить пока удастся, хотя не всегда это бывает легко и просто.

Видишь, и у меня письмо получилось не очень связным. Да тут, наверное, ничего не сделаешь: рассказать хочется очень много, а жанр письма как-то не способствует этому. Впрочем, и его можно освоить, если проявить терпение.

Большой привет Вике и поклон твоим домашним!

Крепко тебя обнимаю!

Эрик.
25.10.1975

Володя, дорогой!

Никогда не предполагал, что ты умеешь писать такие великолепные письма. А у меня вот ничего не получается. Правда, к такой форме переписки еще надо привыкнуть: очень уж она нетривиальна.

Насколько я понял, характер твоей работы несколько изменился. Надолго ли это? И насколько прочно?

У меня, как и обычно, событий не так много. Правда, поменял место работы: тружусь теперь у Владимира Петровича* (вместе с Китом**), а занимаемся мы методологией исследования деятельности. Пока только начинаем, но ты знаешь, что это моя давнишняя мечта – разобраться с этой самой деятельностью. Кажется, намечаются интересные перспективы теоретического и методологического плана. Во всяком случае, я начал кое-что понимать и надеюсь, что в скором времени сумею прислать тебе печатное выражение этого понимания. В общем, пока этой стороной жизни я доволен, хотя в других отношениях не все обстоит блестяще. Самое главное – за последний год здорово сдал мой организм, к брюху добавилось еще и сердце. Но ничего не поделаешь, годы берут свое.

В остальном действительно мало что меняется. Все-таки при всех темпах и т.п. жизнь удивительно устойчива в своих основных направлениях и формах. Но это, наверное, и хорошо ...

Я все-таки думаю, что научусь писать тебе гораздо более пристойные письма.

Большой привет Вике!

Обнимаю тебя!

Твой Эрик.

*Владимир Петрович Зинченко

**Никита Глебович Алексеев

Поступила в редакцию 29.12.2007